

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Евгений Джиджора

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
XI—XV вв.**

Сборник научных работ

Одесса
«Астропринт»
2012

УДК 82'04–97(081)

ББК 83.3(0)4я44

Д41

Научный редактор:

Александров Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Рецензенты:

Радышевский Ростислав Петрович, член-корреспондент НАН Украины, доктор филологических наук, профессор, Киевский национальный университет имени Т. Г. Шевченко;

Пелешенко Юрий Владимирович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины;

Белоус Петр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Житомирский государственный университет имени Ивана Франко

Рекомендовано к печати ученым советом Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (*протокол № 8 от 24 апреля 2012 г.*)

Джиджора, Евгений Владимирович

Д41 Исследования по средневековой литературе XI–XV вв. : сборник научных работ / Евгений Джиджора ; науч. ред. А. В. Александров. — Одесса : Астропринт, 2012. — 312 с.

ISBN 978–966–190–610–4

В книге исследуются актуальные проблемы средневековой литературы XI–XV вв. В первой и второй частях представлены статьи, в которых рассматриваются теоретические вопросы средневековой книжности, а также раскрываются некоторые особенности ранней киеворусской гимнографии. Третья часть – монография, посвященная агиографическому творчеству выдающегося древнерусского книжника – Епифания Премудрого.

Книга предназначена специалистам-медиевистам, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется средневековой литературой и культурой.

УДК 82'04–97(081)

ББК 83.3(0)4я44

ISBN 978–966–190–610–4

© Джиджора Е. В., 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новейшие подходы к периодизации древнеукраинской и древнерусской литератур	8
Категория святости в киеворусской литературе	25
Типи образної предикативності у біблійних та агіографічних творах	35
Формы выражения авторской позиции в Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова	48
Богословсько-філософські ідеї космогенезу в середньовічних космологічних творах	61
Ідея сакрального простору в світоглядній концепції автора Історії юдейської війни	72

ОСОБЕННОСТИ РАННЕЙ КИЕВОРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Загальне уявлення про структуру гімнографічного твору	82
Перші гімнографічні твори Київської Русі	97
Степени символизации в Великом Покаянном каноне Андрея Критского	110
Особливості символізації образів святих князів у киеворуській гімнографії	118
Интерпретации библейских образов и сюжетов в киеворусской гимнографии	128
Воспевание святых Владимира и Ольги в киеворусской гимнографии	139

АГИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

<i>Введение</i>	148
Раздел 1. Филологические студии над агиографическими сочинениями Епифания Премудрого	151
Житие Стефана Пермского и Житие Сергия Радонежского в контексте изучения «второго южнославянского влияния»	151
Исследование аспектов поэтики в Житии Стефана Пермского и Житии Сергия Радонежского	157
Традиции патристической риторики в Житии Стефана Пермского и Житии Сергия Радонежского	169
Раздел 2. Образная система агиографических сочинений Епифания Премудрого: особенности воплощения идеи	173
Взаимодействие высшего и среднего иерархических уровней	178
Функционирование низшего иерархического уровня	202
Раздел 3. Реализация сюжетного инварианта: составляющие формы агиографических сочинений Епифания Премудрого	223
Inventio: принципы нахождения похвального материала	226
Dispositio: принципы расположения найденного материала	244
Раздел 4. Compositio: организация формы агиографических сочинений Епифания Премудрого	256
Технологии литературного изложения	257
Соединение структурных компонентов в «основной части» агиографического сочинения	268
Конструирование «сильных частей» агиографического сочинения	274
Способы elocutio	280
<i>Заключение</i>	289
<i>Библиография</i>	295

Предисловие

Исследования, объединенные в этой книге, посвящены разновременным и разножанровым литературным памятникам XI–XV вв. А если учесть, что время создания некоторых переводных произведений, которые в ней анализируются, отдалено от своего появления и бытования в Киевской Руси почти тысячелетней исторической дистанцией, то хронологические параметры объекта научного изучения придадут ему масштабы, выходящие далеко за рамки средневековья. Тем не менее, речь идет о средневековье, точнее, о христианской средневековой литературе, в системе которой функционировали древние сочинения.

Первая эпоха существования литературы у восточных славян — время утверждения вербального творчества в его письменной форме. Одной из главных задач ее было формирование у неопитов новых представлений о Боге, мире и месте человека в нем. Это был сложный многовековой процесс вытеснения языческой, уходящей своими корнями в индоевропейские временные глубины, трехъярусной модели мира христианской персонифицированной двухъярусной моделью.

Становление христианского мировидения обеспечивалось новым, символическим типом творческого мышления. На символическом характере мышления средневекового книжника и акцентирует внимание автор исследования. Это вполне логично: именно символ является ключом к пониманию произведений христианского средневековья. Разделяя божественное и человеческое, небесное и земное, христианское мышление вместе с тем соединяло их неисчислимым количеством ажурных, почти воздушных, едва уловимых, но прочных мостов. А строительным материалом, из которого они создавались, выступал символ. Его предназначение заключается в синтезе божественного и земного переносом семантики основного концепта христианских произведений, — сакрального, — с одного элемента на другой по принципу иерархии. По своей структуре символ бинарен, отсюда — закон парности элементов, которыми оперирует христианское символическое мышление, создавая модель мира.

В систему средств, с помощью которых христианские авторы описывают модель мира и человека, входят разножанровые тексты:

Библия, гимнография, гомилетика, агиография, исторические сочинения, и даже «космологические», как их условно называют, произведения. Они выполняли функцию формирования представлений не только о мироздании в целом, но и каждый о своем, вполне определенном, божественном или земном сегменте этого мира, а также о взаимосвязях между ними. Функции этих произведений определяло то, из какой точки картины мира, а также в какую его часть и кому была направлена духовно-вербальная интенция.

Исходя из такого понимания христианской средневековой литературы, можно сделать заключение, что адекватным самому духу ее является структурно-функциональный подход и укорененный в нем инструментарий исследования. Именно структурно-функциональный подход к «пестрым» литературным памятникам, который не только декларирует, но и последовательно применяет автор книги, создает целостностное исследование, помогает постичь мистическое таинство христианского средневекового Слова.

*А. В. Александров,
август 2012 года*

Раздел 3

РЕАЛИЗАЦИЯ СЮЖЕТНОГО ИНВАРИАНТА: СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФОРМЫ АГИОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

В житии эстетизация образа святого осуществляется через изложение его биографии. Биография является правдоподобной *historia o деятельном со-служении Бога и подвижника*. В каждом новом произведении этот сюжетный инвариант со-творчества небесной и земной сил приобретает иную коннотацию, обусловленную подвигами конкретно прославляемого святого. Реализуя соответствующий вариант, агиограф рассматривает те обстоятельства жизни подвижника, в которых проявилось его онтологическое свойство — исполненность Св. Духом. При этом книжник не столько повествует, сколько рассуждает о взаимодействии Творца и Его избранника, в определенных случаях иллюстрируя свои размышления рассказами о наиболее значимых подвигах праведника, выделяющих его в сонме других со-служителей Божьих. Следовательно, эстетическое «переживание» автором образа святого и изложение его биографии соотносятся как *содержание* и *форма* агиографического сочинения.

Сведения об объекте прославления хранит Предание. Поэтому житийная *historia* создается на основе «готового», «заданного» материала. Особенность «предопределенного» сюжета состоит не в том, что он не является личным творением автора, а в том, полагает С. Бройтман, что приходит из традиции [39, 195]. Традиция, по меткому обозначению П. Зюмтора, это «континуум памяти» [88, 75], «особая компетенция» [88, 80] ритора. В этом смысле *historia*, в которой не производятся, а вос-производятся (П. Зюмтор) известные факты, актуализирует историческую и поэтическую (в узком смысле) память средневекового книжника.

Принципы построения прославляющего рассуждения сформировались, как убедительно доказывает Ю. Алиссандратос, еще в ранневизантийской литературе. Следуя концепции античных риторов Афтония, Менандра, Исократы и Гермодора, энкомиасты IV в. —

Григорий Нисский, Григорий Богослов и Василий Великий — ввели традицию хвалить подвижника, прослеживая определенные периоды его жизни. Для этого они детально анализировали его происхождение, рождение, образование (духовное и/или светское), деяния (подвиги, чудотворения) и смерть [222, 7–8].

Т. Руди, используя схему Х. Лопарева, отражающую закономерности составления византийских житий VIII — X вв. [130, 168–170; 131, 15–36], детализирует данную модель хваления. Исследовательница называет «обязательные топосы» (*«loci communes»* или «общие места») — биографические подробности жизни праведника, на которых агиографы всегда заостряют внимание. По её мнению, панегиристы обязательно должны сообщить, что святой родился в благочестивой семье, с детских лет стремился к аскетизму, отрочество провел в посте и молитве, в юношеские годы оставил мир, вел смиренную иноческую жизнь, боролся с бесами, совершал разные подвиги, а после преставления у его гроба исцелялись немощные (см.: [172, 134–135]). Топосы представляют универсальную канву агиографической *historia*, которая в каждом житии выступает установочной схемой, требующей конкретного наполнения.

В реконструировании индивидуальной истории святого составитель жития осуществляет два действия: сначала анализирует, затем синтезирует. Прежде всего, он находит («вспоминает») факты деятельности подвижника, потом располагает («вос-производит») их в нужной ему последовательности [48, 33–39]. Как справедливо утверждает А. Александров, «функцию отбора биографического материала и его упорядочивания» выполняет такой общэстетический принцип средневековой литературы, как дидактизм [22, 12]. Иными словами, стоящая перед книжником цель в полной мере раскрыть религиозную миссию, на которую Бог вдохновил святого, а тот осуществил ее, отражается на способах обработки *historia*: *inventio* (нахождении) и *dispositio* (расположении) сведений.

Единицей *inventio* является биографическая тема. Она реализуется в подтемах, содержание которых зависит от обстоятельств подвижничества святого и выражается в суждениях. Наиболее важные темы и/или подтемы биографии предполагают нарративное изложение, сегментированное событиями. Единицы рассуждения и сегменты повествования соотносятся как идея / иллюстрация-репрезентант. Последние характеризуются большей / меньшей степенью событийности, среди критериев которой выделим, вслед за современным

теоретиком нарратологии В. Шмидом, релевантность (значимость) и вероятность (предсказуемость развития) [219, 16–17]. Степень событийности зависит от того, насколько отдельный эпизод является существенным и ожидаемым в деятельности святого. Разумеется, тип агиографического «списания» (проповеднический, преподобнический и др.) определяет свою шкалу релевантности / вероятности нарративных сегментов.

Условиями состоявшегося события, изменения внешней (в изображенной пространственно-временной картине мира) или внутренней (в сознании героя) «исходной ситуации», В. Шмид считает фактичность и результативность. Для того чтобы возник факт, «изменение должно действительно произойти», причем «до конца наррации», иначе не будет обнаружен его результат [219, 12–15]. Ситуация, представляющая собой модус нарративного развития, понимается как «определенное взаимоотношение лиц в пределах времени между меняющимися это взаимоотношение событиями» [120, 67]. Чередующиеся ситуации и вызванные ими результативные события — взаимообусловленные элементы, составляющие повествовательный срез риторической *historia*.

События обобщаются, как известно, в мотивах, которые, с одной стороны, выступают сюжетным предикатом [138, 142], а с другой — отражают деятельную активность персонажа. В средневековой литературе «готовый» герой предопределяет, по мнению И. Силантьева, «мотивный репертуар» [178, 83]. Это означает, что статус героя «очерчивает» круг событий, заранее прогнозируемых в своем развитии и разрешении. В этом смысле «предзаданный» сюжет демонстрирует «реактуализацию уже известной фабулы» [178, 78].

Как уже отмечалось в *разделе 2*, в агиографической *historia* сослужения Бога и святого каждое действующее лицо выполняет свою роль в таком субъектно-объектном взаимодействии. Роли сопутников, земных и не-земных противников различаются по мере со-участия / не-участия и способствования / препятствования в деятельном сотрудничестве Творца и творения. Функциональная обусловленность действующих лиц отражает общепозитическую тенденцию построения сюжета в средневековом произведении. В нем фабульное развитие обеспечивают строго определенные предикативности воссоздаваемых образов (ср. реконструированный О. Журавель сюжет о договоре человека с дьяволом: [85, 220–231]).

«Найденный» и классифицированный материал агиограф располагает, следуя логике прославления, продиктованной типом подвиж-

ничества святого. Единицей *dispositio* так же, как и *inventio*, является тема похвального рассуждения, рассмотренная здесь с точки зрения синтагматических связей со смежными темами и/или подтемами. В *dispositio* нарративные сегменты образуют фабульную парадигму, в которой пре- и постпозиции каждого эпизода обозначают семантические границы реализованного в нем мотива.

Если *inventio* задает только график *historia*, то *dispositio* наполняет его «плотью». Расположенный материал воспроизводит связную биографию-хваление. В ней каждая тема и раскрывающие ее подтемы создают единое *argumentatio* деятельного со-служения Творца и святого.

INVENTIO: ПРИНЦИПЫ НАХОЖДЕНИЯ ПОХВАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА

Inventio в Житии Стефана Пермского

В ЖСтП отбор биографического материала основывается на изложении этапов осуществления св. Стефаном просветительской миссии. Следуя агиографическому канону, Епифаний начинает рассуждение о подвижничестве святого с темы происхождения. Однако данная тема не получает развернутого воплощения, составитель жития лаконично сообщает только об этнической принадлежности будущего проповедника и месте его проживания: «Бѣ ѹбо родом рꙋснѣ, от языка словѣнска, от страны полꙋнощныя, глаголемыя Двинскыя, от града нарицаемаго Ўстьюга» [ЖСтП, 56]. Тема происхождения локализуется в подтеме родителей, но она тоже не распространяется. Агиограф лишь констатирует, что Симеон и Мария были «родителю нарочитꙋ».

Если происхождение святого Епифаний излагает предельно кратко, то рождение, традиционную тему похвальной биографии, опускает вовсе. Зато подробно излагает образование. В его развитии контактируют две составляющие — подтемы внутреннего (духовного) и внешнего (профессионального) обучения.

Прославление подвига просвещения заставляет агиографа уделить повышенное внимание приобретению Стефаном навыков «книжного учения». Характеризуя ранний — детский — этап становления

проповедника, Епифаний раскрывает подтему профессионального образования в ряде ключевых суждений. Во-первых, свидетельствует о незаурядных интеллектуальных способностях отрока, который, будучи «еще дѣтищем сый измаада вданъ бысть грамотѣ ѹчитти», настолько легко освоил её, что уже через год был поставлен чтецом в соборе: «Превзиде паче многих сверстник в родѣ своем, dobroпaмaтcтвoм и скоровычeннeмъ прeѹспѣвaя, и oстрoумнeмъ же и быcтpo-cтнoу cмыcлa прeвъcхoдѣ». Во-вторых, объясняет преуспевание ученика помощью Творца, непрерывно наделяющего его благодатными силами: «Тако Божиим дарованиемъ в малѣ много извыкнѹвшю емѹ, еcтвeннoю oстрoтoю ѹмa cвoeгo нaѹчи же cя въ гpaдѣ Ѹcтѹзѣ вceй гpaмoтннчнѣй хитрocти и книжнѣй cилѣ» [ЖСтП, 56]. Интенсивное приобретение «книжной силы» обусловлено настойчивостью святого, с одной стороны, и непосредственным участием Подателя, с другой. Такая взаимно направленная устремленность Господа и подвизника задает модель их дальнейшего деятельного со-трудничества.

Постоянное присутствие Бога в делах отрока определяет своеобразие его «внутреннего» обучения. Хотя данная подтема не отличается подробным развитием. Епифаний ограничивается только суждением о том, что святой с ранних лет удалялся от мирских соблазнов: «К дѣтeмъ игpaющимъ не прнcтaвaшe; иже в пyстoшь тeкѹщимъ, и вcѹ трѹжaющимся и тщeтнaя гoнящимъ не внимaшe; ни вoдвopяшe-cя c нимъ». Как следствие, он вырос «в дѣвcтвѣ, и въ чнcтoтѣ, и в цѣлoмѹдрнн» [ЖСтП, 56]. Духовное самообразование названо тем «благоразумием» праведника, которое убедило святого оставить мир ради иноческого делания.

В рассуждении агиографа о юношеском возрастании Стефана подтемы внутреннего и внешнего обучения связываются теснее. После поступления в монастырь его профессиональное совершенствование прямо пропорционально духовному укреплению: «Cлѹхa же cвoя ѹмно прнклaняшe o чнcтыхъ повѣcтeхъ и ѹчитeльныхъ cлoвeсѣхъ, и cнмн прocвѣщaшeся ѹбо нa бoлшee мѹдрoлoвнe и нa бoлшee вѣдaннe възвoднмъ» [ЖСтП, 62]. При этом Епифаний акцентирует внимание слушателей на прилежном усердии святого в изучении сокровенных христианских тайн: «Нe вѣднo ѹченнa рaдн ѹмeдлнвaя вo ѹчeннѣ, нo дa дoндeжe дo кoнцa, пoнcтнннѣ ѹрaзѹмѣт o кoeмъждo cтнcѣ cлoвeca, o чeмъ глaгoлeтъ» [ЖСтП, 60]. Исследование Богооткровения с точностью «до стиха» отражает уровень внутренне-внешнего образования Стефана в период пребывания в ростовском «Затворе».

В изложении такого усердного обучения агиографу важно охарактеризовать тех, кто принимает в этом непосредственное участие. Ключевая роль в возрастании святого отведена Богу. Кроме того, «затворному» образованию монаха активно способствуют опытные старцы-книжники. В обучении св. Стефана искусству толкования Писания Бог выступает координатором, а старцы-книжники — помощниками. Вместе они готовят подвижника к апостольскому служению.

О выполнении просветительской миссии Епифаний рассуждает в теме деяний святого. Среди них он, прежде всего, называет составление пермской грамоты и перевод на новый язык богослужебных книг. Значимость этих дел состоит в подготовке к воцерковлению язычников, задуманному Стефаном ещё в юности: «**ґице же ємү үмысльшо, еже издавна то ү него сдүмано вѣше**» [ЖСтП, 64].

Сообщение о Перми требует вспомогательных разъяснений. В подтеме географического расположения агиограф подробно перечисляет народы, населяющие данную местность, основные топонимы и пути сообщения с Московской Русью. А в подтеме духовного состояния обстоятельно излагает причины, по которым пермяне все еще оставались некрещеными. Автор утверждает: Пермь потому пребывает в «**прѣлєсти ндољстѣй**», что её до сих пор не посетил ни один апостол-проповедник.

Подготовка к миссии завершается епископским благословением, полученным перед отправлением Стефана в пермский край. Вместе с тем, архиерейское одобрение самого замысла означает начало подвига просвещения. Рассуждая о том, в каких условиях святой благовествует на первом этапе, Епифаний для большей убедительности прибегает к нарративному изложению. Он повествует событие о том, как язычники, не приемлющие христианского учения, в один из дней «**снесоша множество бремен сүхия соломы**» с тем, чтобы «**створити запалєньє рабү Божню и снм үмыслиша огнем немилостивно вѣ смерть вогнати єго**» [ЖСтП, 86]. Мотивный вариант неприятия пермянами проповеди воплощает здесь традиционный в апостольском и просветительском житии [149, 22–24] инвариант антагонического противостояния христианства и язычества.

Событие столкновения, наделенное в контексте полемических перипетий жития нейтральной релевантностью и высокой степенью предсказуемости развития, демонстрирует трудности выполнения подвижником своей миссии. В служении Богу св. Стефан

вынужден постоянно преодолевать препятствия ожесточенных противников.

Следующим деянием, на котором автор заостряет внимание, является сооружение первой церкви. В просвещении язычников это определенный рубеж, разделяющий этапы словесной и потому мало-эффективной проповеди и более привычного для них видимого священнодействия.

Воздвижение храма способствует, с одной стороны, укреплению позиций просветителя, а, с другой — усилению негодования местных жителей. Очередной виток их противостояния Епифаний репрезентует рядом ключевых для проповеднического жития событий. В одном из них разъяренные пермяне «нападаху нань съ яростью, и со гнѣвом, и с воплем, яко ѹбити и погѹбити и хотяще» [ЖСтП, 96]. В другом эпизоде повествуется, как св. Стефан разрушил пермскую кумирницу, после чего собравшиеся язычники «со многою яростью и великим гнѣвом и воплем, яко звѣрьє дивни, ѹстремившася нань» [ЖСтП, 100]. Оба события, предполагаемые в данном типе жития и потому нейтральные по степени релевантности и вероятности, представляют вариации реализованного ранее инварианта антагонистических отношений христианина и идолослужителей.

Эпизод разрушения кумирницы оканчивается апостольским поучением. Окруженный пермянами, жаждущими расправы за оскорбление своих религиозных чувств, св. Стефан проповедует им о смирении и вере в Иисуса Христа. В результате часть язычников обращается в христианство: «Благими словесы его и святыми ѹченьи его на кротость прелагахуся и в тихость ѹстраяхуся, и мирно глаголаху, расходящеся, не створиша емѹ зла никоегоже, но множайшии от ннх крестившася» [ЖСтП, 104]. Крещение некоторых пермян — первые «плоды» служения святого. Прибегая к ярким нарративным иллюстрациям, Епифаний всякий раз обозначает результат происходящего, радикально меняющий прежнее положение дел.

Воцерковление группы язычников приводит к ситуации разделения в народе. Агиограф анализирует её в отдельной подтеме о разногласиях крещеных и сомневающихся. И в качестве наглядного примера накалившейся обстановки повествует «спирание» местных волхвов со св. Стефаном. В мотивной дихотомии инвариант / вариант тут реализуется тот же тип полемического противостояния просветителя и язычников. А в разрешении события подчеркивается решающая роль Творца, со-действующего святому: «Стефан же

Божиею благодатью и своим досужеством встѣхъ снх препираше я» [ЖСтП, 108]. Релевантность и предсказуемость развития отмеченного эпизода нейтральная. Изложенное событие — вполне заурядный факт в житии святого, подчеркивающий согласованное взаимодействие небесной и земной силы.

Одоление авторитетных племенных вождей продуцирует новую ситуацию — доверие к христианскому проповеднику. Религиозная терпимость к чужеземцу служит предпосылкой рассказа о массовом крещении пермян, следующей нарративной единицы Жития. Степень её значимости и предсказуемости повышенная, агиограф подводит к ней как ключевому событию в подвижничестве святого. В нем мотив обращения язычников в христианство передает наиболее значимый этап эффективного исполнения миссии: противники св. Стефана перевоплощаются в его со-путников.

С воцерковлением большей части населения Перми просветитель усугубляет подвиги. Он велит новокрещенным учиться грамоте и ежедневно посещать храм, сооружает нескольких новых церквей и, главное, ревностно уничтожает языческих кумиров. Последним Епифаний посвящает отдельную подтему — характеристику пантеона пермских идолов.

Наиболее изобразительным в нарративном срезе *historia* ЖСтП является напряженный спор святого с самым авторитетным местным волхвом — Памом. Его активное противостояние проповеднику начинается в тот момент, когда значительная часть пермян отказалась от давних традиций и обратилась к христианству. По этой причине племенной старейшина ставит перед собой задачу не столько полемически, сколько практически убедить народ, что «вера отцов» — лучше, а его колдовство — сильнее.

«Прение» св. Стефана и Пама воплощает мотивный вариант испытания веры, проектирующий распространенный в средневековой литературе инвариант опытного противостояния христианства и язычества. Данный эпизод обнаруживает типологическое сходство с аналогичным «испытанием», описанным в знаменитом сборнике житийных сказаний — *Синайском Патерике* (далее — СП), в греческой традиции именуемом *Луг духовный* и приписываемом подвижнику VII в. блаженному Иоанну Мосху. В одном из его «слов» рассказывается история о том, как антиохийский патриарх Ефрем в продолжение длительного времени пытался вернуть к истинному вероисповеданию одного столпника, последователя ереси Севера. На-

конец, еретик предлагает выяснить на деле, чья вера действительно правильная: «Въжъзѣвъ ѿгнь, господи патрнаршк, и вънидѣвъ азъ же и ты, и нже изидеть невръженъ съ, православныъ естъ» [СП, 80]. Ефрем не колеблясь приказывает развести огонь. Однако столпник не соглашается спуститься и войти в него. Тогда патриарх снимает свой омофор и кидает его в костер. И пламя нисколько не вредит омофору. Видя явное чудо, изумленный еретик кается.

В ЖСтП событийность подготовки к ритуалу (разведение огня, проделывание лузы в замершей реке) отличается высокой степенью релевантности и непредсказуемостью развития. Определив условия испытания, волхв неожиданно сам же отказался от его осуществления. Ситуация не-исполнения собственных требований выступает предпосылкой низложения старейшины соплеменниками. Порывая с ветхой традицией, пермяне переходят к новому этапу своего духовного развития. А разрешение эпизода предсказуемо: святой в силу того, что проповедует христианскую любовь и терпение, запрещает язычникам совершить привычный обряд — казнить низложенного волхва.

Яркие перипетии столкновения христианского просветителя и главного пермского кумирслужителя завершают авторские рассуждения о полемическом периоде апостольской миссии св. Стефана. Одолев в «прении» Пама, он превозмог сопротивление язычников в целом. Волхв-старейшина выступает самым главным противником проповедника, «прение» с которым носит решающий характер. В то же время, указанный конфликт косвенно способствует началу следующего, качественно иного этапа, — воцерковления Перми. В нем святой беспрепятственно распространяет христианство, будучи уже епископом.

Изложение периода епископских трудов агиограф открывает событием назначения св. Стефана пермским архиереем. Мотив поставления в высший сан воплощает характерный для агиографической historia о служении подвижника инвариант восхождения иерархической лестницей. В данном эпизоде, вполне угадываемом и потому наделенном нейтральной релевантностью и вероятностью, подчеркивается роль со-делателей просвещения язычников. Ее выполняют Великий князь Дмитрий Иоаннович и митрополит Пимен. Среди множества достойных кандидатов пермским епископом они выбирают того, кто уже имеет опыт апостольской проповеди среди местного населения: «Брассѣднѣ и подѣмаѣ, и порасмотрѣв, видѣвъ и слы-

шав мѣжа добродѣтель, и благоизволение, и доброе исповѣданье, и яко учительскимъ саномъ украшена сѣца, и яко апостольское дѣло начинающа и свершающа, и таковыя благодати достойна бывша» [ЖСтП, 164]. Миссия просветителя не просто продлевается, св. Стефана наделяют большими полномочиями для ее скорейшего завершения.

Среди епископских деяний святого Епифаний называет полномасштабное крещение оставшихся язычников и обучение их пермской грамоте. Рассуждению о каждом деле книжник отводит соответствующую подтему. Приобщение пермян к христианству объясняется в подтеме о библейских пророчествах. Тут речь идет о желании Творца привести все народы к истинной вере. Условия воцерковления рассматриваются в сложении пермской письменности. Эта подтема распространяется, в свою очередь, историей возникновения древних азбук и сравнением деятельности св. Стефана с просветительскими трудами Кирилла и Мефодия. В последней подтеме плавно меняется объект сопоставления. Пермский пастырь, оказавший не только духовное, но и телесное попечение над паствой, соотносится также и с Иосифом Прекрасным, накормившим во время голода египтян и евреев.

В изложении деяний святого данные подтемы служат вспомогательными аргументами. С их помощью Епифаний выводит тип незаурядного подвижничества проповедника, превзошедшего всех других просветителей.

Последней темой, на которой, согласно агиографическому канону, обязан подробно остановиться составитель жития, является смерть святого. В ЖСтП она раскрывается, прежде всего, в подтеме последних наставлений. Тут автор устами епископа Стефана свидетельствует об абсолютном исполнении порученной ему миссии: «Аз во силу свою исполних, и многа словеса божественная сказахъ, и все, елико длѣженъ бѣхъ створити, и створихъ, и уже усталъ есмь, уча ихъ, не дая покоя челюстемъ моимъ» [ЖСтП, 198]. Кроме того, подобно Иисусу Христу, подготавливающему учеников ко Второму пришествию, святитель увещевает паству о духовном трезвении: «Внимайте себѣ, чада, бдите и молитесь, стойте в вѣрѣ недвижимы. Мѣжайтесь, да крѣпится сердце ваше» [ЖСтП, 206]. Наставления пастыря свидетельствуют о признании «новокрещенных» пермян полноценными христианами, способными в дальнейшем самостоятельно блюсти благочестие.

Собственно преставление святого изложено довольно обстоятельно. Епифаний сообщает о том, как проходили последние минуты св. Стефана, о тех, кто присутствовал при этом, о его просьбе отслужить заупокойную панихиду и об указании каждому, какую читать молитву в чине погребения.

Факт оставления мира выдающимся подвижником вызывает у агиографа посмертную скорбь, которую он реализует при помощи «утроенной» риторической монодии. Сначала тема преставления святого продлевается в плаче-сокрушении пермян. В ней высказывается важное суждение о несправедливости того, что могила епископа находится в Москве, а не в Перми: «Лѹчши бы было намъ, дабы былъ гробѣ твой въ землѣ нашей прямо очима нашими, дабы былъ намѣ ѹвѣтъ не хѹдъ и ѹтѣха поне велика сиротствѹ нашему» [ЖСтП, 214–216]. В сложившейся ситуации пермяне выражают обиду на москвичей. В то же время, признав за чужими право обладать гробницей своего святого, паства надеется на его молитвенную помощь: «Аще и преставился еси отъ насъ дѹхомъ, аще и гробъ твой далече ѹдаался отъ насъ, да молитва твоя да бѹдетъ съ нами всегда. Аще и мощи твоя далече отстоятъ отъ насъ, но благословенне твое да бѹдетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно» [ЖСтП, 220]. Так в монодии актуализируется подтема утешения. Пермяне уповают на небесное покровительство пастыря-заступника и тем самым успокаивают себя.

Другая монодия, продолжающая тему преставления, состоит из аналогично коррелирующих подтем — плача и утешения, но выраженных уже пермской церковью. Персонифицированная церковь, «услышавшая» о кончине епископа, «възмятѣся зѣло и смѹтнѣся велии, и печаль смѣсися съ горкимъ рыданнемѣ» [ЖСтП, 222]. Агиограф классифицирует ее плач в контексте Священной Истории. Во-первых, соотносит «женское» рыдание с воплем Рахили, скорбящей о своих детях [Иер.: 31, 15]. Это традиционное сравнение, широко используемое христианами панегиристами. Впервые его задействовал, как убедительно доказывают Й. Хольтхузен и Ю. Алиссандратос, св. Григорий Нисский в *Надгробном слове Мелетию архиепископу Антиохийскому* [235, 77–81; 23, 71–73]. В этом ранневизантийском сочинении антиохийская церковь выступает плачущей вдовой, лишенной своего жениха. А у Епифания Премудрого пермская церковь является невестой, потерявшей свою красу: «И премѣнился измѣненнемъ красоты своѣа» [ЖСтП, 222].

Далее плач церкви сопоставлен с печалью Моисея, видевшего с горы Обетованную землю, в которую ему не надлежало войти [Втор.: 34, 4]; с огорчением Елисея, наблюдавшего за вознесением пророка Ильи на небо на огненной колеснице [4 Цар.: 2, 12]; с плачем граждан Ниневии, раскаявшихся в согрешениях перед Богом [Ион.: 3, 6–10]; с рыданиями Иосифа, сначала в качестве раба, проданного братьями [Быт.: 37, 26–28], а затем советника египетского фараона, простившего сородичей [Быт.: 45, 11–25]; с сокрушением царя Езекии, вымолившего у Бога ещё пятнадцать лет жизни [Ис.: 38]; с покаянием царя Давида, испросившего отпущение грехов; с плачем пророка Иеремии, сидевшего на развалинах Иерусалима [Плач Иер.: 1, 4]. Все эти «плачи» проникнуты пафосом потери самого сокровенного и невозможности достичь желаемого. Агиограф приводит их с целью определения степени душевной скорби, переживаемой пермской церковью.

Рыдания логично завершаются поисками утешения: «**Но повѣздрѣжите мя ѹже хотя мало, ославите ми, да почню, да не нѣкакѡ скрѣплюся отъ многоплачѣя**» [ЖСтП, 230]. Повод для успокоения вдова находит в поучениях апостола Павла, призывающего не скорбеть по умершим, т. к. они пребывают с Богом [1 Фес.: 4, 13]. В авторской аргументации это суждение переломное. Ублажая себя мыслью о нахождении жениха на небесах, церковь просит его неустанно молиться о ее земном благоденствии. Уверенная в силе молитвы святого, вдова утешается.

Третья монодия состоит из тех же подтем: плача «**иннокѡ спасающѡ**» и своеобразного утешения, реализованного в форме похвального слова. Его сложная структура будет проанализирована в следующем разделе.

В целом, распространение темы преставления посредством трех, концептуально согласованных, риторических монодий представляет собой довольно оригинальную конструкцию, даже не близкое подобие которой отыскать в южно- и восточнославянских энкомиумах не удастся. Именно развернутое воплощение «глубокой скорби» и «радостного упования» сразу тремя лицами позволяет Ю. Алиссандратос классифицировать данный фрагмент панегирика как «надгробное слово» [222, 72–73].

Для построения *historia* ЖСтП отбирается преимущественно не-нарративный материал. Это объясняется, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, жанровым своеобразием сочинения, являющегося *Словом о житии и учении св. Стефана*. Во-вторых, тем, что

Р. Пиккио называет «ораторской природой агиографии». Она состоит в «хорошо просчитанной пропорции» [158, 496] двух основных видов риторического изложения — *oratio* и *narratio*, последний из которых чаще всего наделяется пассивной функцией. Восхищение апостолом-просветителем, приобщившим к христианству многочисленный народ, предполагает относительную инертность повествования при явном доминировании рассуждения.

Inventio в Житии Сергия Радонежского

В ЖСР отбор биографического материала обусловлен стремлением автора возвести духовную «лѣствицу» игумена Сергия. *Historia* начинается с темы происхождения, в которой Епифаний рассуждает о родителях святого. Подтема о родителях отличается оригинальным воплощением. В ней изложено прославление благочестивых праведников, усиливающее похвалу самого подвижника: «Прежде же подобаше почтити и похвалити родителей его, да ѿ сего, тако нѣкое приложениѣ похвалы и почести емоу воудет» [ЖСР, 9–10]. В подтеме о родителях автор задает панегирический тон, выдержанный в продолжение сочинения.

Следующая тема рождения начинается с подтемы предрожденческого чуда. В ней повествуется о возвещении младенца о себе из материнского чрева. Степень релевантности и непредсказуемости данного события максимально высокая: в реконструировании служения св. Сергия это один из наиболее важных биографических модулей. Мотив божественного знамения демонстрирует тут типичную вариацию основного инварианта схождение / стяжание благодати, тотально пронизывающего повествовательную часть всего *Жития*.

Само рождение Епифаний подробно не рассматривает. Зато отдельная подтема посвящается крещению новорожденного. Эта подтема раскрывается в событии, в котором прозорливый священник увидел, как Св. Дух осенил ребенка в купели. Несмотря на обязательное описание крестильного обряда в агиографии, значимость и вероятность данной нарративной единицы повышенная. Это обусловлено авторским вниманием к очередному особому благоволению Бога «избранному сосуду». Реализованный тут мотив схождения благодати проектирует указанную выше инвариантную модель.

Ещё одной подтемой, распространяющей тему рождения, является питание младенца. Тут Епифаний рассуждает о постническом воз-

держании ребенка. Его нежелание принимать материнскую грудь по средам и пятницам объясняется действием силы Божьей, которая самый первый раз проявилась «тричисленным образом». Размышление о троекратном знамении до рождения разворачивается в самостоятельную подтему о библейских примерах троичности. В этой подтеме устанавливается прямая связь между божественным предопределением и служением святого.

Возвращаясь к мотиву «постоянно проявляющейся благодати», Епифаний перечисляет подвижников, рождение которых сопровождалось небесным откровением. Так формируется подтема исторических свидетельств о выдающихся праведниках, которая является способом классификации богоизбранности св. Сергия среди других со-служителей Св. Троицы.

На этом тема рождения исчерпывается, агиограф переходит к образованию. Как и в ЖСтП, этому вопросу уделено повышенное внимание. Соответственно, и тема раскрывается в двух подтемах — профессионального и духовного обучения, прослеженного в периоды детства и юношества. Вполне естественно для жития преподобного, что его постижение «внешней науки» связано с ранним этапом становления, а своеобразие «внутреннего делания» — с более поздним.

Предпосылкой развития подтемы внешнего обучения является ситуация не-действия: семилетний Варфоломей не может усвоить азы грамоты. В разрешении сложившейся проблемы Епифаний повествует яркое событие — получение от Бога разума. В эпизоде очерчиваются функции трех субъектов, принявших непосредственное участие в просвещении святого: Подателя (Творца, наделяющего благодатью), направляющего (отца, пославшего сына по поручению) и посредника (старца-черноризца, передавшего отроку чудодетственную просфору).

В *historia* это событие окрашено наивысшей релевантностью — агиограф объясняет неординарный подвижнический путь игумена Сергия *особым божественным душепитанием*, которым Господь благословил Своего избранника. А мотив дарования разума выступает одним из основных воплощений модели схождения / стяжания благодати, скрепляющей ЖСР.

Ситуация удовлетворения желания порождает очередное событие — отрок уговаривает старца посетить дом своих родителей. Во время беседы с ними черноризец повелевает Варфоломею открыть

книгу и читать: «Тогда высть сице во оудивленіе: отрок пріймъ благословеніе ѿ старца, начат стихословити зѣло доверѣ и стройнѣ, и ѿ того часа гораздо высть зѣло грамотѣ» [ЖСР, 27]. Значимость и предсказуемость данной нарративной единицы повышенная — способность отрока прочесть текст видимым образом доказывает, что он получил благодатную силу. При этом мотив исполнения наставления демонстрирует роль спутника-старца, участвующего в продвижении святого к фазе активного служения Богу.

Подтема духовного обучения развивается в юношеский период св. Сергия. Тут Епифаний рассуждает о крайнем аскетизме подвижника: «По лѣтѣхъ же нѣколиѣхъ жестоко пшеть показа и ѿ всего въздрѣжаніе имѣаше». В результате — «вселись вонь благодать Бѣагаго Дѣха» [ЖСР, 29]. Стяжание и ответное схождение благодати определяют способ богопознания святого, отразившийся в понимании им божественной воли и подчинении ей своей: «Господи! Аще тако есть, іако же повѣдаста ми родителіе мои, іако и прежде роженіа моего Твоя благодать и Твое избраніе и знаменне высть на мнѣ оубошѣмъ!» [ЖСР, 31]. Внутреннее образование проходит в диалогическом общении, установившимся между Богом и юным аскетом-молитвенником. При этом ключевая роль в духовном самоопределении подвижника отводится его со-путнику — матери.

Объемная подтема внутреннего образования подводит Епифания к изложению деяний святого. В ЖСР данная тема широко распространяется многочисленными вспомогательными единицами, первой среди которых является подтема оставления мира. Ее центральный репрезентант — событие поселения юноши в лесу, раскрывающий главный, по мнению С. Минеевой, «содержательный мотив» преподобнического жития — уход из мира [149, 28].

В биографии уединенного монаха этот мотив наделяется конструктивной функцией. Ряд эпизодов образует его контекстное обрамление. При этом каждый из них характеризуется нейтральной значимостью и вероятностью — в житии аскета это типичные агиографические топосы. Так, в событии препоручения хозяйства младшему брату Петру воплощается традиционный мотив раздачи имения, неотъемлемый признак развития преподобнической historia. А посещение старшего брата Стефана и склонение его к отшельничеству основывается на мотиве призывания к подвигу. В отличие от родителей, поддержка Петра и Стефана в становлении Сергия минимизирована. Взаимоотношения братьев характеризуются активным

волеизъявлением святого, с одной стороны, и их пассивным согласием с его позицией, с другой. Не препятствуя духовному продвижению, они, в то же время, и не содействуют ему.

Следующая подтема — пустынные занятия св. Сергия. Здесь речь идет о последовательном приобщении подвижника к иноческой жизни. Движимый непреодолимым желанием стать монахом, святой приглашает в свою «пустыню» игумена Митрофана, и тот постригает его в монашеский чин. В повествуемом событии Епифаний детально описывает благоухание, которое ощущают все присутствующие. Значимость происшествия настолько высокая, что агиограф в качестве комментария к сложившейся ситуации приводит развернутую похвалу постриженнику, получающему от Бога знамения в любом деле. Реализованный тут мотив энергийного озарения объединяет событие пострига с нарративными единицами, варьирующими основную модель ЖСР — схождение / стяжание благодати.

После эпизода вступления в иночество книжник рассуждает о трудностях, постигших новоначального монаха в пустыне. Общие размышления локализуются в ряде событий, рассказывающих о дьявольских устрашениях. В их основе лежит, как это обозначает В. Топоров, «борьба за место» [197, 422–423]. Противостояние вызвано, с одной стороны, благим побуждением пустынника духовно совершенствоваться в безмолвном уединении, а, с другой, непримиримостью дьявола, всегда объявляющегося там, где осуществляется «пустынное» делание.

Во всех эпизодах Епифаний строго следует тенденциям средневековой литературы, в которой функция дьявола определена очень четко. Он — враг, который постоянно «наводит беду на всех остальных, всегда зол» [103, 70]. Время его активных действий — ночь, «когда к людям подкрадывается усердный союзник — сон» [24, 113]. Как уже отмечалось в предыдущем разделе, в ЖСР дьявол и его воинство выступают основными противниками деятельного со-трудничества св. Сергия и Бога.

В одном из событий, в контексте преподобнического жития наделенном нейтральной релевантностью и вероятностью, демон угрожает святому смертью. Свойственный средневековой литературе мотив противостояния нечистой силе выступает тут одним из наиболее ярких воплощений схождения / стяжания благодати. Исход «брани» ознаменован вмешательством Творца: «Врази оубо бѣсове ѿсюдоу посраматся, и ѿ сего познають и Божію помощь и свою

нѣмощь». В одолении врага роль Подателя решающая, святой победил не собственными усилиями, а благодаря «Дѣху Свѣтлому въ нѣмъ почивающу» [ЖСР, 53]. Совместное отвержение бесовских козней раскрывает степень синергии св. Сергия и Всемогущего Бога. Подвижник вмещает столько сил, сколько необходимо, чтобы превозмочь «нечистую силу».

В завершении рассуждений о трудностях пустыни агиограф сообщает о необычном посетителе отшельника. Каждый день к нему приходит «ѣдѣнь звѣрь, рекомый аркоуда, еже сказывается медвѣдь». В подтеме о медведе Епифаний обращает внимание не на то, что зверь — потенциальный враг святого, а что он «не зловы ради приходитъ». Поэтому Сергей оказывает ему любовь — кормит хлебом, даже если у него это единственный кусок: «Самъ не вкушаа въ тѣй день, алкати паче, нежели звѣра оного вскрѣнти и не адша ѿпоустити» [ЖСР, 55–56]. Медведь выступает своего рода со-путником, способствующим регулярному упражнению подвижника в благочестивом милосердии и странноприимничестве.

Тема деяний развивается также в подтеме основания монашеской обители. В ней анализируется, во-первых, факт принятия в пустыню нескольких иноков. При этом агиограф рассуждает о том, что Сергей, хоть и желает пребывать в уединении, но покоряется воле Божьей. Во-вторых, перечисляются собственно дела, в которых святой «николи же ни часа празденъ пребываше» [ЖСР, 65]. В-третьих, подробно рассказывается о том, как собравшиеся иноки склонили смиренного подвижника сначала к игуменскому служению, а потом к священническому сану.

О получении святым сана повествуют два события, отличающиеся нейтральной релевантностью и непредсказуемостью развития. Ситуация неудовлетворенности является предпосылкой нарративной единицы, в которой братия угрожает, что покинет «пустыню», если св. Сергей не согласится выполнять обязанности игумена. Здесь мотив поисков наставника является одним из атрибутов преподобнического жития. Нежелание святого выполнить просьбу иноков порождает ситуацию несогласия сторон, разрешение которой предполагает участие постороннего, но авторитетного лица. Архиепископ уговорил св. Сергия принять сан. Тут повиновение старшему указывает на скрытый в нем мотив покорения божественной воле.

В подтеме основания обители возобновляется перечисление дел, соответствующих новому статусу святого. А рассуждение об игумен-

ском водительстве братии обобщается ярким примером пасторского испытания, в котором действия игумена воспроизведены по схеме «обнаружил — оценил».

Агиограф «вспоминает», что св. Сергей имел обыкновение по вечерам обходить келии монахов, «оувѣдити хотѣ коеюждо житіе или желаніе къ Богоу», и, стоя под дверью, слушать, чем занимается инок. И «аще кого оуслышаше или молитвою творца, или поклоны кладуща, или роуководѣіе свое съ безмолвіемъ и съ млатвою творца, или свѣтыя книги почитающа, или о грѣсѣхъ своихъ плачущася и сѣтоуща, о сихъ оубо радовашеся и Бога благодараше». В противном случае высказывал недовольство: «Ѣгда же ли кого слышаше вѣсѣдоуща, два или тріе съшедъшеся въкоупѣ, или смѣхы тѣкоуща, ѡ семъ оубо негодоваше, и зѣло не трѣпа таковыя вѣщи, роукою своею оудараше въ двери, или въ оконцѣ потолкавъ, ѡхожаше» [ЖСР, 81]. Утром святой зовет к себе провинившихся и строго обличает их, а в особых случаях налагает епитимью. Пример испытания свидетельствует о том, что св. Сергей усердно воспитывает благочестие своей паствы.

Пересказывая дела игумена, агиограф, кроме всего прочего, размышляет на предмет ношения одежды. И в качестве доказательства того, что святой одевался только в «худые ризы», повествует событие посещения монастыря поселянином. В нем реализуется мотив вражды к маловерному. Значимость и вероятность развития эпизода нейтральная. Это типичный аргумент в общей концепции смиренно-мудрия подвижника.

Основание обители логично продолжает примыкающая к ней подтема оказания чудесной помощи. В этом рассуждении актуализируется важный аспект обустройства троицкого монастыря — постоянное благоволение Бога. Подтема иллюстрирована двумя единицами, однотипными по высокой релевантности и предсказуемости, а также воплощенному в них инварианту.

Первое событие избавления монахов от голода имеет предысторию. Св. Сергей, алчущий три дня, на четвертый идет к старцу Даниилу и за несколько кусков гнилого хлеба предлагает ему срубить сени перед кельей: «Азъ не зѣло велика възданіа тревою ѡ тебе, но имаша ли гнилыя хлѣбы, зѣло бо хотѣніемъ въсхотѣ ми ѡсти таковыя хлѣбы, иного же волѣ сего ничто же не тревою» [ЖСР, 85]. Поступок святого мотивируется честным поиском пищи, выступающим агиографической проекцией одного из самых распро-

страненных в литературе инвариантов — заработком пропитания. В данном эпизоде Епифаний определяет не только меру подвига игумена, но и модус развития ситуации недостатка, сложившейся в обители.

В ее разрешении проявляется мотив чудесного насыщения: внезапно в обитель прибывает обоз с продовольствием. Тут со всей очевидностью реализуется библейский инвариант божественного удовлетворения недовольных. В смежном событии изведения водного источника этот же инвариант раскрывается в другой форме — мотиве чудесного напоения. По молитве святого на месте небольшой лужицы забил родник.

В нарративных единицах о чудесной помощи Бога в основании обители агиограф намечает переход к изложению чудотворений — особому типу деяний святого. Найденный материал раскрывается в трех подтемах, соответствующих отдельному виду пастырского попечения о ближних.

Подтема исцелений включает четыре события с одинаково повышенную степенью релевантности и вероятности. Воскрешение отрока, избавление вельможи от беснования, греческого архиерея от слепоты, а больного от недуга воплощают мотивный инвариант схождение / стяжание благодати. В первом случае он варьируется как воскрешение мертвого, в трех остальных — как исцеление страждущего. Всякий раз чудо совершает Господь, подающий Св. Дух через избранного служителя.

В прозрении архиерея поведение простого монаха Сергия, вразумляющего греческого епископа, мотивировано стремлением обличить гордого. Эта агиографическая проекция распространенного инварианта, который можно определить как полезное назидание старшего младшим, типологически сопоставима с нарративными моделями в средневековой карнавальной литературе. В самом событии обозначены две ситуации. Предпосылкой его развития служит сомнение. Архиерей недоумевает: «**Како можетъ в снхъ странахъ такоу свѣтильникъ ѡвѣстити**». А разрешение обусловлено состоянием раскаяния. Прибыв в обитель св. Сергия и ослепнув, епископ кается и, увидев троицкого подвижника духовными очами, желает узреть и телесными: «**Начать съ слезами молити свѣтаго, исповѣда еѣ и неволю свое не вѣрїе, вкоупѣ же и прозрѣнїа просѣ**» [ЖСР, 135]. Исцеление связано с противопоставлением духовных состояний страждущего — сначала неведением, потом просветлением.

Подтема благочестивых вразумлений представлена двумя единичными единицами. Они равны по значимости и наделены одинаково нейтральной предсказуемостью в разрешении. Автор повествует о нарушении княжеским слугой приказа и об обиде, причиненной «лихоимцем» некому «сироте». В обоих событиях св. Сергей действует по принципу — увидел (узнал) / обличил. Аналогично эпизоду с архиереем, здесь фабульные ситуации меняются дважды. Все начинается с не-осознания своего прегрешения противником, а оканчивается покаянием уже перевоплотившегося со-путника.

Наконец, в третьем блоке чудотворений св. Сергея сообщается о его прозорливых видениях. Епифаний раскрывает подтему в двух эпизодах: описании приветствия епископа Стефана и рассуждении о «чувствовании» старцем развития Куликовской битвы. Оба случая служат особенными аргументами в концепции прославления богоизбранного духоносца.

Другой тип деяний святого — основание новых монастырей. Подтема рассадения благочестия вмещает множество единиц, каждая из которых служит отдельным житием одного из учеников троицкого игумена. В ЖСР модель «житие в житии» является своеобразной формой *argumentatio* духовной значимости и пастырского величия св. Сергея.

В описании основания обители обозначается доленое участие Подателя и восприемника. Монашеское поселение возникает «строеніємъ и промышленіємъ всесильнаго и милосерднаго Господа Бога», но при содействии троицкого игумена, который, во-первых, «шедъ благословитъ мѣсто поставити монастырь», во-вторых, сам же обустроивает его: «Мѣсто благословитъ и церковь въздвигнетъ» [ЖСР, 128].

При этом Епифаний указывает разные причины возникновения монастырей. Об одной из них повествует так. Однажды на вечерне в «Святых Троицы» между св. Сергием и его братом Стефаном произошло недоразумение, в результате которого святой уходит из обители и поселяется в уединенном месте. Через некоторое время там собираются иноки. Мотив смирения перед волей брата воплощает инвариант повиновения младшего старшему, контрастирующий с указанным в ситуации с греческим архиереем назиданием старшего младшим. Релевантность эпизода высокая — это не только необычная предыстория основания Киржачского монастыря, но и очередной пример исключительного смиренного мудрия подвижника.

В последней подтеме, распространяющей деяния св. Сергия, агиограф демонстрирует особые знамения. Для этого изложены четыре нарративные единицы. Проникновение в ночную келью прекрасных птиц, сияющих неземным блеском; схождение Огня в Чашу в момент причащения; сослужение в алтаре светоносного Ангела; посещение огненноподобной Богородицы и Апостолов, вызывающее сердечный восторг подвижника, мотивированы энергичным озарением, репродуцирующим все ту же, универсальную в ЖСР, макромодель схождения / стяжание благодати. В развитии каждого события четко определена роль со-участников — келейников святого, разделяющих с ним опыт общения с Подателем. Значимость данных эпизодов максимально высокая. Это основные положения *argumentatio* Жития, прославляющего избранного духоносца.

Тема преставления, завершающая *historia*, состоит из необычно большого количества более-менее традиционных подтем. Первой является препоручение игуменского служения. Вторая подтема — традиционные последние наставления, к которой примыкает подтема о последнем Причащении святого. В обеих подтемах определяется соучастие окружения игумена. Сначала они выступают адресатами его предсмертного поучения, а затем — помощниками, поддерживающими его на смертном одре.

Среди «посмертных» подтем агиограф «находит» две. В одной из них — благоухании тела — он рассуждает о сиянии подвижника «въ свѣтѣ ангелъ» в момент преставления. Тут в очередной раз утверждается мистическое проникновение св. Сергия в тайну «Святых Тронцы», соединяющей его с Троициным Богом: «Крепкаа сила Божіа сего прослави, емѹ же предадох҃ агглі въ преставленіи кѹ невеси, двери предѣврѣзаящи райскыа, и въ желаемое блаженство вводяще» [ЖСР, 143]. Энергичную сопричастность Творцу автор признает главным критерием, объясняющим телесное благоухание усопшего Старца.

В подтеме сравнений Епифаний предваряет обстоятельную классификацию подвигов святого, далее продолженную в «похвальном слове». Здесь агиограф приравнивает дарования и совершенные св. Сергием чудотворения к деяниям Моисея, Иисуса Навина, который «сѣвороводецъ бысть и пастырь людемѹ многымѹ» [ЖСР, 143], «незлобию» Иакова, «страннолюбвию» Авраама и рассудительности Саввы Общежительного, «рассадившего» свой устав по другим монастырям. В *historia* ЖСР подтема сравнений выражает культурную па-

мать агиографа, отыскивающего точное место прославляемого подвижника в сонме христианских святых.

Сама же тема преставления святого в ЖСР не менее значимо демонстрирует идею божественного водительства избранного духоносца, чем аналогичные примеры в темах рождения, образования и, особенно, деяний.

DISPOSITIO: ПРИНЦИПЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ НАЙДЕННОГО МАТЕРИАЛА

Dispositio в Житии Стефана Пермского

В ЖСтП материал располагается по принципу последовательного изложения этапов жизнедеятельности просветителя. Тема происхождения раскрывается в подтеме родителей, которая служит связующим звеном с темой образования. Мысль о клерикальном служении отца святого — предпосылка подробного изложения темы обучения. Она состоит из подтем профессионального и духовного становления, контаминирующих как взаимодополняющие части целого.

Реконструируя период детства будущего проповедника, Епифаний подробно останавливается на подтеме «внешнего» образования. А «внутреннее», по причине несомненной духовной жизни сына священника, особо не рассматривает. Как следствие, вторая подтема возникает по ходу развития первой и располагается на месте разрыва прерванного рассуждения как его вставной аргумент. Напротив, юношеский этап в обучении отличается равнозначностью подтем, раскрываемых одна через другую.

От темы обучения агиограф плавно переходит к деяниям святого. На стыке данных тем связь чрезвычайно тесная. Первым описанным подвигом является составление пермской письменности — прямой результат длительного постижения боговдохновенных книг сначала в родном Устюге, а потом в ростовском «Затворе». Обоюдное «проникновение» тем, раскрывающих обстоятельства подготовки подвижника к миссии просвещения, объясняется структурными особенностями рассуждения, предполагающими причинно-следственную зависимость смежных единиц.

Упоминание о Перми, как месте труженичества св. Стефана, укреплено двумя подтемами, в контексте авторского рассуждения выступающими справочными сообщениями. Связь между подтемами географии пермского края и духовности его населения сочинительная. Сначала определяется *locus* (местонахождение), затем обозначается *modus* (морально-религиозное состояние жителей). Вторая подтема распространяется библейскими цитатами. В построении *historia* ЖСтП это наиболее частотный прием, обусловленный просветительно-аргументирующим тоном панегирика.

В характеристике деяний святого Епифаний придерживается принципа логичной последовательности. Следующим, после составления пермской грамоты, он называет отправление на проповедь. В *dispositio* этот поступок наделяется функцией «пограничного рубежа» — соединяет подготовку и исполнение миссии.

Изложение апостольского просвещения начинается с нарративной единицы — первого столкновения св. Стефана и язычников. В ее построении задействуется фабульная препозиция — разъяренные пермяне сбежались к месту проповеди: «**Собрашася на нь множество крамолющихъ**» [ЖСтП, 86]. Они обкладывают святого соломой, желая его сжечь. А подвижник молится Богу, чтобы Он уберег его. Несмотря на обозначенное напряжение, агиограф не повествует разрешение ситуации, тем самым как бы указывая на ее предзаданный исход. Фабульная постпозиция нарративно не представлена, окончание события требует самостоятельного домысливания слушателей.

Структура следующего эпизода о конфликте на почве разрушения святым главной кумирницы иная. Фабульная препозиция тут такова: сложив идолов на кучу и подпалив их, подвижник остается возле костра и ожидает прихода язычников. Когда они собираются там, св. Стефан «**яко овця посреди волкъ, не сваряшеся, ни въяшеся с ними, но с кротостю Словом Божиимъ проповѣдающе имъ**» [ЖСтП, 100]. Но противники не внимают его благовестию и бросаются на него с оружием. Тогда святой начинает молиться Богу об избавлении от смерти. Разрешение ситуации воплощено нарративной постпозицией. Автор сообщает обстоятельства, при которых святой остается живым: «**Никтоже не възложи рѹки на нь, яко не ѹбо бѣ ѹдарен ни ѹязвен от кого, но Божьею благодатью цѣлѣхъ схраненъ бысть от нихъ и неврединъ от нихъ пребысть**» [ЖСтП, 102]. Тут четко определены семантические границы мотива противостояния, который реализуется

в событии с четко обозначенным условием развития (открытое выступление святого) и результатом (вмешательство Бога).

Аргументирующая модель *указание дела* — пример представляет собой доминирующий способ расположения материала в ЖСтП. Кроме проанализированных выше эпизодов, так коррелируют: проповедь святого / крещение первых пермян, поучение новокрещенных / «спирание» с волхвами, одоление язычников в полемике / массовое крещение народа и др.

Безусловно, в построении *historia* центральное место отводится религиозному состязанию св. Стефана и волхва Пама. В *dispositio* «прение» святого с наиболее авторитетным старейшиной расположено после эпизодов «спирания» с рядовыми жрецами, с которыми оно соотносится как главное противостояние / второстепенные. В его развитии ключевую роль играет фабульная препозиция: «Прииде нѣкогда нѣкий волѣхъ, чародѣевый старецъ, лукавый мечетник, нарочит кудесник, вѣхвом начальник, обавником старѣйшина, отравником болший, иже на вѣшьевныа хитрости всегда упражняся, иже кудесному чарованию теплъ сый помощник» [ЖСтП, 122]. В данной нарративной координате определен статус противника.

Динамика столкновения передается посредством частой смены ситуаций, отражающих специфику антагонического конфликта, в котором одна сторона все время ставит новые условия, а другая их незамедлительно выполняет. Переломный момент наступает, когда выдвигающий требования волхв сам же отказывается их осуществить. При таком развитии конструктивной функцией наделяется фабульная постпозиция, передающая изгнание Пама из стана пермян. Это не только нижняя граница реализованного мотива испытания веры, но и структурный элемент следующего события. В нем агиограф приводит очередное дело подвижника как реакцию на одоление племенного вождя.

Св. Стефан едет в Москву просить о назначении епископа в Пермь. Перед посвящением самого святого в архиереи автор повествует о пространственном перемещении проповедника из Перми в Москву в фабульной препозиции. А в постпозиции сообщает о его вторичном посещении пермян уже в сане епископа. Обе фабульные координаты очерчивают семантическое поле мотива иерархического восхождения, указывающего на тип со-служения святого Богу.

Епифаний не находит каких-либо перипетий в епископских трудах подвижника и потому не анализирует их подробно. Вместо этого он приводит развернутое рассуждение о проповеднической миссии св. Стефана в целом. В *dispositio* оно выступает как генеральное обобщение подвижнических трудов святого. В нем контаминируют две подтемы, соединенные между собой сочинительной связью. Сначала агиограф сообщает, *что* конкретно сделал святой, затем рассматривает то, *как* он это сделал. Первая подтема библейских пророчеств о призвании всех народов к истинной вере (что) составлена синонимическими цитатами. Вторая подтема о сложении пермской письменности (как) укрепляется двумя подчинительными рассуждениями, которые наделены значением справки и аргумента и соотносятся как однородные корреляты.

В подтеме об истории возникновения древних азбук Епифаний приводит сведения о том, насколько долго и кем они составлялись, а в сравнениях оценивает «книжный» подвиг святого в ряду аналогичных. Последняя подтема, в свою очередь, распадается на две составляющие в соответствии с числом субъектов сопоставления. Связь между компонентами подтемы перечислительная.

После классификации деяний святого автор переходит к последней биографической теме — преставлению. Она распространяется несколькими единицами, которые, во-первых, дифференцируются на предсмертные и посмертные, и, во-вторых, объединяются в парные конструкции.

Рассуждение агиографа о предсмертном времени св. Стефана в подтеме последних наставлений соотносится с темой преставления как подготовка / закономерность. Посмертные описания распадаются на три монодии, каждая из которых состоит из пары одинаковых подтем — плача и утешения. Синтактика тут довольно сложная. Все распространители подчинены главной теме, между парами устанавливается сочинительно-соединительная связь, а внутри пар — причинно-следственная. Пермские, церковь и сам автор скорбят об умершем (общая обусловленность), но, осознавая его святость, сами же побуждают себя к утешению (единный результат).

В целом, в ЖСтП материал расположен в строгой закономерности. Епифаний не просто излагает *historia* самоотверженного подвижничества св. Стефана. При помощи специальных примеров-аргументов он обстоятельно доказывает вселенскую значимость апостольской деятельности просветителя.

В ЖСР расположение материала отражает логику прославления избранного духоносца. Концепция панегирика задается уже в подтеме родителей, развивающей тему происхождения св. Сергия. Реализуя её в форме похвалы «доброму корню», произрастившему «богоугодную лозу», агиограф устанавливает модус дальнейшей аргументации, подтверждающей идею божественного водительства новыми иллюстрациями.

Связь со следующей темой рождения предельно тесная — в каждой из трех, распространяющих ее подтем, приводится конкретный пример вдохновения Творцом Своего служителя. Пред-рожденческое чудо, крещение и питание, обозначающие позиции «до», «в момент» и «после», создают своего рода обрамление центрального события — появление святого на свет.

Первые две нарративные единицы изложены по одной схеме. Предпосылки событий четко сформулированы в одинаковых фабульных препозициях, передающих посещение родителями церкви. В первом случае Мария пришла на воскресную Литургию, во втором — оба, отец и мать, «**принесоста младенецъ въ церковь Божію**» [ЖСР, 14] для совершения обряда крещения. Разрешение эпизодов также сосредоточено в одинаковых постпозициях — выходе из храма с благоговением. В предрожденческом событии внутриутробный крик святого привел присутствующих в ужас: «**Разидошася кнѣздо въ своа си, и бысть страхъ на всѣхъ слышацихъ сіа**» [ЖСР, 12]. А озарение, сошедшее на ребенка в крещении, вызвало восторг священника, который долго наставлял родителей, а потом «**ѿпоустѣ а въ домъ єю**» [ЖСР, 15]. В однотипных эпизодах мотивный инвариант схождения благодати реализуется на фабульном отрезке в координатах «движение в» и «извне», пространственно локализующих святого и его «единокровных» со-путников во время божественного осенения.

Третья подтема о питании младенца нарративно не выражена. Вместе с тем, она укреплена двумя вспомогательными рассуждениями, которые согласуются как однородные корреляты. Подтемы библейских примеров троичной символики и исторических свидетельств являются формой сравнительной аргументации, логично завершающей примеры благоволения Творца избраннику «перед» и «в момент» появления на свет.

В ЖСР идея божественного водительства пронизывает и тему образования, включающую подтемы внешнего и духовного обучения. На стыке тем связь тесная: первый же эпизод подтемы внешнего образования — встреча с черноризцем — представляет собой очередное свидетельство о ниспослании духовных сил подвижнику. Верхняя граница инварианта схождения / стяжания благодати определена в фабульной препозиции: отец дает сыну поручение. Нижняя граница — в постпозиции: отрок, получив благословение старца в виде просфоры, пребывает в умилении: «Стоаше, радуѣса дѣшею и сердцемъ» [ЖСР, 26].

По логике авторского argumentatio необыкновенное чудо дарования разума требует очевидного подтверждения. Поэтому, вслед за происшествием на поле, агиограф повествует следующее событие — приход черноризца в дом святого. Его препозиция совпадает с постпозицией предыдущего эпизода: отрок, восхищенный полученной благодатью, умоляет старца навестить его родителей. А постпозиция выступает итоговым обобщением не только второго, но обоих событий сразу: «По шествіи же старца оного, обрѣте отрокъ вѣнезапоу всю грамотоу штоудоу добрѣ оумѣа, прѣмѣнишь страннымъ образомъ, и коюждо разгнетъ книгоу, тоу авіе добрѣ чтый» [ЖСР, 28]. Совпадение фабульных координат между нарративными единицами свидетельствует об их согласованности, которую можно показать отношением репрезентант / доказательство.

Как и в ЖСтП, в ЖСР подтема внешнего обучения согласуется с подтемой внутреннего как равнозначная часть целого. Подробная характеристика духовного становления святого обуславливает переход к наиболее объемному блоку агиографического материала — деяниям святого. «Стыковка» тем тесная, в первой же подтеме об оставлении мира автор выводит явное следствие из предшествовавшего тому внутреннего учения юноши. Данная подтема иллюстрирована тремя событиями, передающими вступление святого в иноческую жизнь и контаминирующими как подготовка — нахождение помощника — осуществление задуманного. В основе всех эпизодов лежат традиционные агиографические ситуации, фабульные границы которых размыты.

В препоручении хозяйства младшему брату препозиция представлена в неразвернутом виде: после преставления родителей св. Сергей зовет к себе Петра. А постпозиция совсем не реализована. Слушатели с большой степенью вероятности предполагают, чем окончится их

встреча. В посещении Стефана препозиция также невыразительна: св. Сергей приходит к старшему брату и уговаривает его идти с ним в «пустыню». Постпозиция такова: братья отправляются вместе на поиски подходящего места. Эта фабульная граница совпадает с препозицией следующего события — поселением в лесу. Два указанных эпизода соединяются как замысел / воплощение. В последнем постпозиция не указана вовсе. Однако причина этого состоит не столько в ясном предвидении завершения ситуации обустройства обители, сколько в желании агиографа дать собственную оценку подвигу святого.

В *dispositio* ЖСР закономерно изложение следующей подтемы — пустынных занятий. Она построена по схеме начало / развитие. Прежде всего, повествуется о постриге св. Сергея. Затем агиограф рассуждает о трудностях безмолвия, которые представлены, во-первых, несколькими примерами «брани» с дьяволом, во-вторых, подтемой о медведе.

В событии пострига фабульные координаты расположены аналогично эпизоду крещения. Препозиция (приглашение игумена Митрофана в пустыню) и постпозиция (оставление безмолвника одного) обозначают границы символического действия — обряда чиноположения, в котором Бог и святой со-общаются посредством энергии (благодати).

В столкновении с дьяволом этот же тип субъектно-объектных отношений предзадается в иных формах. Препозиция тут — ночная молитва пустытника. Постпозиция — изгнание врага божественной силой, стяженной в молитве: «Посла Богъ милость Свою и благодать Свою въ помощь емоу, еже съхранити его ѿ всакаго вестоанїя видимаго же и невидимаго» [ЖСР, 58]. В единой синергии Бог и святой изгоняют не-земного противника.

В подтеме пустынных занятий оба события, а также рассуждение о медведе, не коррелирующее с ними прямо, выступают разными примерами, иллюстрирующими одну идею. В ней утверждается, что отшельник «возделывает» выбранное место при постоянной помощи Св. Духа.

Новую стадию обустройства «пустыни» Епифаний анализирует в подтеме основания монашеской обители. Тут синтактика многочисленных единиц довольно сложная. Вначале автор рассуждает о приятии иноков, желающих разделить с ним «скудость мѣста сѣго». Затем приводит распространяющую подтему, в которой перечисляет

дела пустынников. Она прерывается двумя взаимосвязанными событиями о склонении святого к священническому служению и вмешательстве епископа, упреком обязавшего святого выполнить просьбу братии: «**Вса стажалъ еси, а послушанїа не имашї**» [ЖСР, 70]. Связь между двумя эпизодами причинно-следственная. Встреча архиерея с Сергием произошла из-за его несогласия принять сан.

Возобновление перечисления дел развивается в подтемах игуменского водительства и ношения одежды, соотносимых как общее / единичное. Вторая подтема подтверждается достоверным примером — событием о приходе поселянина. Рассуждение о пастырском попечении игумена над братией и нарративный эпизод о невежественном посетителе, усомнившемся в том, что великий подвижник может носить рваную и заплатанную одежду, согласуются как утверждение / доказательство.

В изложении обустройства монастыря Епифаний выделяет важный аспект — участие Творца, которому посвящает отдельную подтему оказания чудесной помощи. От подтемы пустынных занятий, в которой, по сути, речь идет о том же самом, она отличается по признаку масштабности. Если в подтеме пустынных занятий агиограф свидетельствует о божественном содействии одному святому, то здесь — о благоволении всей братии. Несмотря на то, что обе подтемы наделены свойствами однородности, в *dispositio* ЖСР они не являются смежными.

Суждение о чудесной помощи монастырю аргументируется двумя тождественными примерами. Их идентичность проявляется в равенстве фабульных координат. В событии насыщения алчущих препозиция передает негодование братии в связи с тем, что в монастыре закончились съестные припасы, а игумен не позволяет никому выйти в селение и попросить пожертвований: «**Оуже не могоуще къ томоу трѣпѣти вываемыхъ недостатковъ и скудости здѣ**» [ЖСР, 86]. А в событии изведения источника — ропот по причине недостатка воды: «**Въскоую, глаголюще, не разоужаа сѣла есть на семь мѣсте очитель здати, водѣ не близъ соущи**» [ЖСР, 99]. Постпозиции эпизодов тоже не отличаются. В первом — монахи удивлены чудесным посещением ангелов, доставивших им продовольствие. Во втором — восхищены дивным появлением родника. В том и другом случае очерчиваются одинаковые границы мотивного инварианта удовлетворения недовольных как одного из ключевых аргументов в идее со-участия Бога в созидании иноческого общежития.

Сообщение о чудесной помощи пустынножителям органично продолжается в чудотворениях святого, три типа которых рассматриваются в отдельных подтемах: исцелениях, вразумлениях и видениях. Согласно средневековому композиционному принципу «обратной перспективы», или, как удачно предлагает Н. Борисов, «обратной логики» [38, 280], агиограф не придерживается здесь соблюдаемой до сих пор установки на поочередное изложение всех единиц подтемы. Более того, параллельно чудотворениям Епифаний анализирует два других вида деяний святого — устройство новых обителей и вмещение божественных энергий, которым посвящена подтема рассаждения благочестия и подтема особых небесных знамений. В «обратном» dispositio (о котором агиограф, кстати, предупреждал ещё в предисловии Жития: «Нѣкыя главизны еже о житїи старцевѣ приготавлены не по радѡу, но предѡмъ назади, а задѡмъ напередѣ» [ЖСР, 3]) эти пять подтем прослеживаются не по единицам, а вразброс. Излагая их не по порядку, книжник следует агиографической традиции называния важного факта, который представляется ему важнее строгого следования хронологии.

Все эпизоды деяний святого объединяет общая закономерность нарративного развития. В изложении событий четко определены *условие, коллизия и итоговое назидание*. Так, в эпизоде о воскрешении отрока причины, по которым отец больного ребенка решил посетить св. Сергия раскрываются в фабульной препозиции в виде родительского размышления: «Аще токмо жива принесу къ чело-векоу Божїю, всако исцѣлѣетъ» [ЖСР, 101]. Отцовское упование на помощь праведника соответствует благочестивому намерению кровоточивой женщины прикоснуться к Спасителю [Мк.: 5, 28], а также вере сотника [Мф.: 8, 5–10] и царедворца [Ин.: 4, 46–53]. В основе этих евангельских ситуаций лежит обоюдная субъектно-объектная направленность — восприимчик желает получить исцеление от Подателя, и Господь незамедлительно оказывает ему помощь.

В самом эпизоде обозначены смерть отрока, разочарование отца и молитва св. Сергия, после которой умерший воскресает. Родительское отношение к происшедшему чуду сосредоточено в постпозиции, передающей его восторженное благоговение перед Господним могуществом: «Въ себѣ дивѡса, хвалоу въздаа Богоу творѣщему дивѡмъ и преславѣнамъ» [ЖСР, 103]. Нижняя фабульная граница демонстрирует нравственную пользу, полученную поколебавшимся в вере отцом. Телесное здоровье сына стало для него духовным просвет-

лением. Тут нарративная модель посещение — исцеление реализует универсалию *намеренный визит — разрешение вопроса — умиление*, воплощенную в описании каждого из пяти видов деяний святого.

Вследствие сегментации самой объемной агиографической темы не- и малосвязными по смежности примерами установить, в чем состоит её исчерпанность, на наш взгляд, невозможно. Переходагиографа к последней теме преставления ничем не обусловлен, поэтому «на стыке» связь не тесная по риторическому обыкновению Епифания, а рассредоточенная, т. е. не выраженная причинно-следственными отношениями.

Тема преставления, в свою очередь, состоит из пяти подтем. Как и в ЖСтП, они дифференцируются на предсмертные и посмертные, которые соотносятся как равные части целого. Все распространители скоординированы с главной темой, а между собой, за исключением последних двух, связаны как однородные корреляты. Только посмертные единицы объединены обуславливающей связью: по логике авторского прославления благоухание тела преставившегося святого предполагает нахождение аналогий в Св. Истории. Поэтому в подтеме сравнений св. Сергей соотносится с прославленными ветхозаветными и христианскими праведниками. Тип согласования между сопоставляемым (святой) и сопоставимым (предшествующие подвижники) — соответствие, игумен равен каждому названному служителю Божьему по определенному признаку.

В ЖСР расположение материала создает вполне доказательное *argumentatio* синергийного со-общения Творца и особого духоносца, исполняющего исключительную миссию.

* * *

В агиографических сочинениях Епифания Премудрого сюжетный инвариант *historia co-служения Бога и подвижника* представлен двумя формами, по-разному раскрытыми в ЖСтП и ЖСР. В первой форме реализуется история просвещения язычников боговдохновенным проповедником, во второй — история духовного вождения верующих богоизбранным игуменом.

Варианты предзаданного сюжета соответствуют типам воссозданного подвижничества и присущим им взаимоотношениям между, во-первых, святым и Богом, во-вторых, святым и действующими лицами второго плана. В проповедническом ЖСтП, как и в преподобническом ЖСР, исходная точка *historia* — *божественное избрание служи-*

теля, predeterminedное непосредственным «вмешательством» Подателя в жизнь не только избранника, но и его родителей. Участием Творца обусловлено также *боговдохновение святого на некий подвиг* — следующая фабульная константа. Очередной рубеж *historia* — *замысел некоего служения* — результат рефлексии уже самого подвижника. Св. Стефан выстраивает «программу действий» будучи монахом ростовского «Затвора», а св. Сергей — ещё в отрочестве, находясь в родительском доме. *Начало осуществления задуманного* — новый поворот фабулы, явно обнаруживающий «согласие» трех сторон. Тут Господь направляет своего избранника, духоносный праведник выполняет божественную волю, а его ближайшие помощники — родители — во всем способствуют ему.

Сам процесс со-служения включает сначала *препятствия*, чинимые противниками, затем *со-труженичество* духовных со-путников или переменившихся маловеров. В ЖСтП противостояние проповедника Стефана и язычников развивается по нарастающей, от локальных конфликтов до кульминационного «прения» с племенным старейшиной, а со-действие «новокрещенцев» святому — по нисходящей, от знаменательного разрушения самими пермянами ещё оставшихся идолов до повседневного изучения ими богослужебных книг и самой грамоты. А в ЖСР столкновения происходят на двух уровнях. Во-первых, уединенный отшельник одолевает не-земных противников — бесов, во-вторых, вразумляет горделивых. Причем два, обычно следующих один за другим, фабульных акта — *обращение маловеров* и *со-труженичество духовных единомышленников* — в *historia* ЖСР излагаются не поэтапно, как в ЖСтП, а параллельно.

Конечную точку фабулы — *переход праведника в «обители Господни»* — в обоих житиях обеспечивает взаимно направленная деятельность Подателя и восприемника. При разных коллизиях (накалах взаимоотношений между лицами) «границы» *historia*, ее начало и конец, одинаковы как в ЖСтП, так и в ЖСР. В «предыстории» (риторическом вступлении) и «обобщении» (заключительной похвале) одного и другого произведения утверждается, что между Богом и избранным Им служителем поддерживается нерушимая деятельная энергия.

В воплощении двух вариантов агиографического сюжета о со-служении Творца и праведника Епифаний Премудрый придерживается одного принципа — отбирает только тот материал, который показывает, как именно святой «наполняется» Св. Духом или как го-

товится к этому. В соответствии с «найденными» ситуациями в ЖСтП и ЖСР представлены две шкалы релевантности и вероятности нарративных единиц. В проповедническом ЖСтП степень значимости и предсказуемости примеров-иллюстраций определяет приближение к переломному моменту — массовому крещению пермян, последовавшему за низложением волхва Пама. А в преподобническом ЖСР величину событийности устанавливает своеобразие обстоятельств, при которых св. Сергей «вместил» божественные энергии.

Характерно, что в расположении некоторых подтем и репрезентующих их событий Епифаний прибегает к нарративной стратегии нивелирования воспроизведенного времени. Сознательно допуская «хронологический хаос», автор иногда повествует позднейший эпизод биографии святого раньше предшествовавшего ему по времени. Такая риторическая технология «обратного *dispositio*» свидетельствует о том, что агиографа интересует, прежде всего, результат духовного восхождения праведника. Поэтому в ЖСР многие ситуации, сообщающие, например, о «светоносном» контакте св. Сергия с небесным миром, изложены прежде некоторых историй, передающих его взаимоотношения с братией, князьями или простыми мирянами, посещающими обитель.

В объяснении этого, в целом удивительного, явления исчерпывающими представляются глубокомысленные рассуждения академика Д. Лихачева (см.: [128, 255–257]) и современного языковеда В. Колесова о том, что в восприятии истории средневекового человека прошлое связано с началом чего-то значимого, тогда как будущее — с его результатом. Поэтому будущее всегда иерархически выше прошлого. «*Переднее*, — пишет В. Колесов, — это прежнее, бывшее, завершенное. *Перед* всегда позади, тогда как *заднее* — впереди» [104, 72; выделено автором]. Прошедшее утратило свою актуальность, а перспектива будущего, наоборот, «вырастает» по мере приближения к нему. Следовательно, итог всегда важнее развития. Конец всегда больше, чем движение. А последние события значительнее предыдущих. В этом, на наш взгляд, и состоит логика «обратной логики», задействованная Епифанием Премудрым в расположении агиографического материала.